

В НОВОМ СВЕТЕ

В монастыре Ла-Рабида

Близ знаменитого порта Палос на голом утесе стоит францисканский монастырь Ла-Рабида. В настоящее время дорога к нему извивается среди развалин и тернового кустарника. Но сердце путника, который впервые проходит по этой дороге, невольно забьется сильнее, и он, глубоко взволнованный, остановится перед воздвигнутым здесь каменным крестом. В то же время он мысленно перенесется на несколько столетий назад, и взор его устремится в необъятную равнину океана, скрывавшую от него Новый Свет, который связан с этим местом великими воспоминаниями.

В 1491 году по этой дороге шел рыжеволосый путник со своим маленьким сыном. Он был глубоко удручен, потому что в течение всей своей жизни испытывал только одни разочарования. В голове его роились смелые гордые замыслы, обещавшие властителям мира несметные сокровища, а ему — бессмертную славу. Он был убежден, что не ошибается в своих предположениях. Но напрасно обращался он к королям и владетельным князьям — их придворные отстраняли его. Они надменно смеялись над его планами, считая их пустым несбыточным бредом. Как мог разубедить этих аристократов простой итальянский моряк, Христофор Колумб из Генуи! Кому был он известен в 1491 году? Потеряв всякую надежду, он покинул Испанию, чтобы попытать счастья в другой стране, и без средств шел пешком из Рио-Тинто в Гуэльву с целью сесть там на корабль.

Его сопровождал маленький сын Диего, только увеличивая заботы отца, потому что путник был беден, а гордость не позволяла ему просить милостыню.

Случайно взгляд его остановился на монастыре, монахи которого славились своей благотворительностью. И вот, в том самом месте, где теперь находится каменный крест, Колумб, преодолев свою гордость, решился протянуть руку и просить кусок хлеба для себя и своего сына, и здесь ему не было отказано в помощи. Настоятель монастыря патер Хуан Перец де Маркена оценил планы человека, которому суждено

было открыть Новый Свет. В этом-то монастыре 15 марта 1493 года и начинается наш рассказ.

Патер Хуан стоял у окна своей высокой кельи и задумчиво смотрел в бесконечную даль синего моря; в душе его происходила тяжелая борьба.

Молодой Яго, чернокудрый юноша, единственный сын его покойного брата, сильно озабочивал его. Впечатлительный юноша был одарен прекрасными способностями и занимался прилежно, но вместе с тем жаждал славы и подвигов. До сих пор он жил в соседнем монастыре, занимаясь науками под руководством настоятеля; но стены монастыря сделались для него тесны, его тянуло на волю, к студентам города Саламанки. Патер Хуан хорошо знал тот город с его узкими мрачными улицами. Знал также университет, основанный еще в 1222 году и в то время лучший из всех других учебных заведений; в стенах его тысячи студентов черпали познания. Но ему были также хорошо известны соблазны и искушения, ожидавшие там молодого неопытного юношу. Взгляд патера блуждал по необъятному морю... Как спокойно оно сегодня! Какое множество кораблей бороздит его тихие воды, но пройдет несколько часов — и картина может быстро измениться!.. Ураган бешено взроет океан, поднимутся гигантские волны, и гордые корабли, подобно ореховым скорлупам, сделаются игрушкой разнузданной стихии... В этой неравной борьбе человеку остается только возложить все упование на Бога. Вот и жизнь человека то же, что и море! Сегодня она спокойна и манит вдаль, а завтра полна бурь и опасностей...

Так размышлял патер Хуан. Он хотел предостеречь юного Яго, и если бы тот стал настаивать на своем намерении, по крайней мере, дать ему несколько полезных советов, которыегодились бы ему при его вступлении в свет.

Стук в дверь прервал его размышления. В комнату вошел человек лет тридцати, сильно взволнованный.

— А, это вы, Гарция Гернандес? Что с вами? Вы так взволнованы? Что вас привело ко мне?

Гарция Гернандес, живший в Палосе, был ученый: медик, физик, космограф. Его необыкновенная энергия и глубокие познания были всецело направлены на изучение природы; но особенно интересовали его те отдаленные страны, о которых существовали одни лишь смутные сведения.

Обыкновенно сдержанный и спокойный, он был сильно взволнован и, едва переведя дух от скорой ходьбы, наконец проговорил:

— Отец Хуан, помните ли вы того человека, который два года назад приходил в монастырь, того рыжеволосого, которого мы еще рекомендовали королеве Изабелле?

— Христофор Колумб! — как бы что-то припоминая, медленно произнес патер. — Разве его можно забыть? Это необыкновенный человек, в глазах его светится гений! Счастлив тот, кому раз пришлось встретить такого человека. Блажен, кого Господь сподобит быть полезным избраннику человечества! Волей Божьей мы были призваны доставить Христофору Колумбу средства для его путешествия. У него была великая благочестивая цель: он обещал добыть средства для нового крестового похода для освобождения Святой земли и гроба Спасителя Нашего от владычества сарацин. Как часто, стоя у этого окна, я мысленно уносился далеко за пределы горизонта! Я был душой с ним, на его корабле! Как часто сердце мое дрожало за него, когда поднимались буря и туманы!.. Да, Колумб решился на отважное дело! Что значат в сравнении с ним предприятия португальцев, которые медленно, шаг за шагом пробираются по берегам Африки? Колумб предпринял поистине геройское путешествие! Но нередко находили на меня и сомнения... Однако лицо ваше сияет радостью... Нет ли о нем известий? Не воротился ли он?

— Удивительные вести привезли нам купцы из Севильи, отец Хуан! Один из капитанов Колумба, Алонсо Пинсон, вы его знаете, уже высадился в Галиции, на северо-западе Испании, и послал королю донесения о новооткрытых странах. Самого Колумба противные ветры вынудили пристать к Лиссабону. Завистливые португальцы хотели было взять его в плен, но охранная грамота нашего короля Кастилии и Леона внушила им должное уважение к нему. Каждую минуту нужно ожидать Колумба в Палосе. И сколько чудес он везет с собой!.. Краснокожих людей, разноцветных птиц, ценные пряности, плоды, каких мы никогда не видели, и золото, отец Хуан, массу чистого самородного золота!

— Слава Царю Небесному! — воскликнул приор, творя крестное знамение. — Значит, смелое предприятие удалось и морской путь в богатую Индию найден!

— Теперь вы все знаете, отец Хуан! — торопливо проговорил Гарция Гернандес. — А я спешу. Я сяду на берегу морском и уйду

оттуда только тогда, когда пожму руку Колумбу. Весь народ в волнении! И я должен приветствовать его и провести в Божий храм — возблагодарить за покровительство Всемогущего Бога, без которого никакие охранные грамоты государей и никакие пушки в мире не в состоянии защитить нас.

С немым удивлением слушал молодой Яго этот разговор. Что привело двух ученых в такой восторг?.. Красные люди?.. Да разве существуют такие люди?.. Разноцветные птицы?.. Золото, чистое золото и пряности из сказочной Индии!.. Они задумывают новый крестовый поход: отец Хуан несомненно говорил об этом. Все это было неразрешимой загадкой для юноши. Машинально пошел он за патером и Гарцией Гернандесом, которые шли рядом, оживленно разговаривая. Странно и непонятно было все, что удалось ему услышать из их разговора. Это были отрывки из какой-то совершенно ему незнакомой истории, о которой ему ничего не рассказывали его монастырские наставники. Но все эти чудеса — красных людей и пестрых птиц — он увидит собственными глазами, потому что из Палоса уже доносился теперь звон колоколов. То были радостные звуки: на дальнем горизонте показался белый парус, а вскоре и судно, и в нем узнали «Нину», вышедшую из Палосской гавани 3 августа 1492 года вместе с двумя другими — «Санта-Мария» и «Пинта». Почему же возвращалось теперь только одно судно? Где же адмиральский корабль «Санта-Мария»?.. Скоро ему предстояло узнать, что обломки его преданы тлению на берегах новооткрытых островов.

Мореплаватель

Несколько часов спустя молодой Яго стоял рядом со своим дядей и смотрел на знаменитого человека, которого торжественно встречали все жители города. В нем не было ничего южного, и уже этим одним он резко выделялся среди своих спутников. Долгое морское странствование не могло согнуть его высокий сильный стан; сознание выигранной трудной победы заставляло его держаться гордо и прямо, оно ясно светилось в его светло-голубых глазах и на его загорелом, покрытом веснушками лице. Знаменитый мореплаватель казался старше своих лет; тяжкие заботы вплели в его рыжеватые волосы многочисленные белые пряди, Яго де Маркена не мог оторвать глаз от героя, к которому все окружающие относились с благоговением. Какая-то непреодолимая сила влекла его к этому человеку, и он шел за ним в торжественной процессии с опущенной головой, шел как слуга за своим господином, не отдавая себе отчета, почему он внезапно всем своим сердцем привязался к чужестранцу. Его привлекало могущество гения, и к своему удивлению, он едва взглянул на медно-красных индейцев в их национальных украшениях. Он не обращал внимания ни на редких попугаев, сидевших на длинных тростниках, ни на пряности, которые несли в открытых ящиках. Золото не возбуждало в нем изумления. Велик и достоин удивления казался ему в это мгновение только человек, совершивший дело, казавшееся невозможным для всех его предшественников.

Юноша не посмел вмешаться в разговор адмирала с патером Хуаном и Гарцией Гернандесом. Он терпеливо ждал перед дверями, пока Колумб не появился снова, и был счастлив уже тем, что по крайней мере еще раз увидел его.

Колумб недолго оставался в Палосе. Он спешил в Барселону, где тогда находился королевский двор. С триумфом ехал он по всей Испании и с триумфом, при колокольном звоне, вступил в Барселону. Когда он в сопровождении многочисленных рыцарей появился в зале королевского дворца, король и королева «приняли его со всевозможными знаками внимания, воздали ему величайшие почести и позволили ему публично сидеть перед собой, что считалось первейшею и величайшею милостью» — так рассказывает об этом один из

писателей того времени. Молва о великом открытии и путешествии Колумба пронеслась по всей Испании и по всему христианскому миру. В это время адмирал снаряжал уже новый флот.

Яго оставался все это время в Палосе. Он полюбил уединение, сделался чрезвычайно тих и все думал о том, что он слышал и чего не мог хорошенько объяснить себе. Прежде он любил в свободные часы ходить в дом физика и космографа Гарции Гернандеса, но не для того, чтобы поучиться у него. Там жила с матерью младшая сестра ученого, Мерседес, которая ему очень нравилась; по возвращении из Саламанки он намерен был жениться на ней, но пока молодые люди хранили это в тайне.

Теперь Яго посещал дом Гернандеса еще чаще, но выбирал те часы, когда наверное мог застать самого Гарция. Он почти все время находился при нем, сопровождал его на прогулках и расспрашивал его обо всем, что касалось Колумба. Гернандесу нравилась любознательность юноши, и он познакомил его со всеми географическими знаниями того времени.

Знания эти были ничтожны в сравнении с современными. Но они также весьма отличались от тех, которые Яго усвоил в монастыре у своих старых учителей. В исходе XV века в науке сделаны были новые открытия, появились новые идеи, но они были известны немногим, потому что несколько столетий назад книги распространялись не так легко и скоро, как теперь. А Яго учили по-старому: Европа, Азия и Африка были для него единственными населенными странами, на крайнем севере земля была необитаема по причине сильной стужи, точно так же и юг был необитаем вследствие сильного зноя. Ему говорили, правда, что, по мнению некоторых ученых, земля — шар, но тут же прибавляли, что это еще не доказано. Каким образом люди, подобно мухам на потолке, могли бы ходить на противоположной половине земли головами вниз и ногами вверх!

Рассказы Гернандеса значительно расширили умственный кругозор Яго. Он узнал, что земля несомненно шарообразна. Гарция рассказал ему о далеких странах, открытых знаменитыми путешественниками. Мир не оканчивался за Турцией; следуя далее на восток, можно было достигнуть страны чудес — Индии, откуда через Турцию привозят в Европу драгоценные пряности; за Индией, на восточной оконечности Азии, лежит царство Китай, а далее, на острове Чипанго, оба эти

государства, по словам Марко Поло, посетившего их в XIII веке, населены необыкновенно густо и изобилуют превосходными и дорогими произведениями. Если бы найти путь туда не через враждебные христианам страны, произведения эти стали бы доступнее и дешевле. Португальцы первые напали на эту мысль, они старались обогнуть Африку и этим путем достигнуть Индийского океана.

— Мы находимся здесь, на западной окраине обитаемого мира, — говорил Гернандес, — а те богатые страны лежат на восточной. Можно попасть туда, объехав Африку, но есть еще и другой путь. Представь себе, что яблоко — это земной шар. Наметим на нем ножом наши берега, а здесь — восточные страны, Китай и Чипанго. Ты теперь сейчас же видишь, что от того места, где лежит наша гавань Палос, есть еще другая дорога в эти страны. Не правда ли — прямая дорога? Потому что, если мы из Палоса поплывем все прямо на запад, то будем мало-помалу огибать земной шар и должны в конце концов приехать к восточному берегу материка Азии. И дорога эта не так длинна, она короче, чем кругом Африки.

Так говорил Гарция Гернандес своему любознательному ученику, хотя и сам учитель не был свободен от заблуждений, считая земной шар гораздо меньшим, чем он есть на самом деле. На этой земле, которую считали на целую треть меньше, не было места для новой части света; Азия и Европа казались не так далеки друг от друга в западном направлении, и опасность подобного путешествия представлялась значительно меньшей.

— Вот этот-то план, — прибавил Гарция Гернандес, — и выполнил Колумб. Но не один он придумал его. Я видел в его руках письмо от флорентийского ученого, физика Тосканелли, в котором план этот подробно разработан и точно рассчитано, даже в милях, расстояние западного берега Европы от восточного берега Азии. Тем не менее нашему Колумбу принадлежит бессмертная слава, потому что составить такой план на бумаге далеко не то, что привести его в исполнение. Не так-то легко выйти в необозримый океан и целых три недели не видеть ничего, кроме неба и воды. Принадлежат ли открытые адмиралом прекрасные острова действительно к Китаю и Чепанго, — продолжал задумчиво Гарция, — решить теперь, наверное, еще нельзя. Древние географы, как, например, грек Эратосфен из Афин, первый измеривший земной шар, и римлянин Страбон, думали, что в океане могут быть еще

другие обитатели, части света и острова. Видишь ли, мой юный друг, великое путешествие Колумба есть только начало целого ряда других славных путешествий. Острова богаты золотом, и это привлечет туда многих, но настоящий исследователь не заботится о золоте, он стремится раскрыть тайны земного шара, он желает знать, что за этими островами, — действительно ли царства Китай и Чипанго или же новые страны, о которых мы до настоящего времени ничего не знаем? Все это покажет будущее. Если ты так интересуешься всем этим, то охотно прочтешь письмо, которое написал Колумб королю о своем путешествии. Я могу тебе дать его. Читай и удивляйся.

Яго расположился в беседке сада, развернул письмо, представлявшее собой нечто вроде дневника, и перед ним впервые развернулась во всей своей целостности история первого плавания Колумба.

Великий мореплаватель рассказывал сначала о своем намерении отмечать все происшествия, начертить новую морскую карту и приучить себя к лишению сна, чтобы зорко следить за направлением судна. Далее Яго читал о плавании к Канарским островам и выходе в неизвестный океан. Далеко на западе географы того времени предполагали существование острова Антилии, куда будто бы испанские христиане в 734 году бежали от преследований мавров. Колумб тоже верил в это, но главной целью его была Индия, и он не позволял себе увлекаться второстепенными планами. В течение тридцати четырех дней он видел перед собой только небо и воду. Сколько испытаний, сколько борьбы со своим экипажем должен был он вынести за это время! Нередко его тревожили обманчивые крики: «Земля, земля!», пока наконец флотилия не достигла Гванагани, небольшого острова, которому Колумб дал название «Сан-Сальвадор». Да, Яго читал и изумлялся. Адмирал говорил о людях не белых и не черных, о собаках, не умеющих лаять; потом о плавании с одного острова на другой, пока наконец, как думал Колумб, он не достиг на острове Куба материка Азии, а в Эспаньоле или Гаити — Чипанго или Японии! Заблуждения, которые должны были обнаружиться лишь много позже.

Яго был очарован этим донесением. Ему казалось, что он вместе с Колумбом на Кубе. «Запах цветов и деревьев, — читал он, — прекрасен. Всю ночь слышно пение птиц, щебетание ласточек и трескотня насекомых. Воздух ночью ни холоден, ни душен и полон благоуханий».

Со страстным увлечением следил Яго за двумя испанцами, отважившимися проникнуть в глубь Кубы. Они встречали множество мужчин и женщин, которые несли в руках тлевшие с одного конца сухие благоухающие листья, свернутые в маленькие трубочки, другой конец которых брали в рот и вдыхали в себя дым. «Это их усыпляет и опьяняет, — писал Колумб, — и, очевидно, они таким образом предохраняют себя от утомления. Они называют эти маленькие трубочки „табакос”».

Далее рассказывалось о золотых украшениях туземцев, зародивших в Колумбе желание отыскать золотоносные рудники, о дне Рождества Христова, впервые отпразднованном христианами в Новом Свете, о страшной буре и крушении «Санта-Марии», об основании на Эспаньоле первой колонии Навидад, то есть «Рождества Христова», и, наконец, о возвращении на родину по бурному океану.

С возрастающим любопытством прочитал Яго письмо. Он был так очарован, что им овладело непреодолимое желание ехать в Навидад. Он был сын своего времени, он не стремился «в Америку», потому что человечество не знало этой части света, хотя она и была уже открыта, он рвался в Китай и Японию, за которые Колумб принял острова Кубу и Гаити.

И вот в нем созрело решение. Вмиг забыты были Саламанка и университет. Когда в беседке появилась черноволосая головка Мерседес, он тотчас рассказал ей о своем намерении. Напрасно она отговаривала его, жалела, что он, такой молодой, идет на верную гибель, плакала даже. Но могли ли слезы тронуть страстного поклонника великого Колумба. Он остался непреклонен в своем намерении, он говорил: «Я должен». Исполнение плана зависело, однако, не от него одного. Опекун его, патер Хуан, имел право сказать и свое слово. Это отлично знал юный мечтатель и потому решил обратиться за помощью к Гарции Гернандесу. В Палосе с гордостью ожидали предстоящего путешествия Колумба. Друзья великого мореплавателя считали великое открытие его также и своим делом, потому что они рекомендовали Колумба королеве Изабелле и тем доставили ему средства для его первого путешествия. Осуществление мечтаний Яго де Маркена не встретило никаких особенных затруднений. Ему было уже восемнадцать лет, а в Испании люди мужают быстрее, чем на севере, он был здоров и силен, и приор дал свое

согласие. Колумб, конечно, не откажется оказать услугу племяннику за услугу дяди — приор был в этом уверен, и Яго оставалось только с радостным сердцем собраться в путь и лететь в Кадикс, чтобы присоединиться к большому флоту.

Колумб располагал теперь большим флотом. Четырнадцать каравелл и три больших корабля с одной тысячей двумястами пешими и конными воинами были отданы в его распоряжение.

Теперь дело шло о покорении новооткрытых земель. Первые колонисты были уже в Навидаде, но теперь организовывалось первое правильное переселение. Донесение Колумба было так увлекательно, что в плавании этом приняли участие не одни искатели приключений, но и представители испанского дворянства. На кораблях везли в новые земли европейских домашних животных, семена полевых растений и овощей, виноградные лозы и прочее.

«Вице-король» намеревался основать колонию на Эспаньоле и затем продолжить плавание. Им овладела гордая мысль: он хотел посетить не только Китай и Японию, но, плывя все на запад, первым совершить кругосветное плавание.

В успехе своего предприятия Колумб не сомневался. Ведь как близко лежит Япония от Испании! Он доказал это своим плаванием, и потому он может открыто сказать, что земной шар далеко не так велик, как утверждали астрономы и космографы! Но он был в заблуждении; он совершил нечто более великое — увеличил землю в знании человечества на целую часть света. Но он не подозревал этого, когда 25 сентября 1493 года флот его в Кадикской бухте снялся с якоря и он вступил в свое второе знаменитое плавание.

Рождество Христово за океаном

Медленно пробиралась флотилия Колумба в лабиринте Малых Антильских островов к Эспаньоле. Наконец 22 ноября моряки достигли этого острова, и с кораблей раздались восторженные крики. Радостью заблестели глаза адмирала: с этим роскошным островом соединял он большие надежды.

«Поселенцы в Навидаде, — думал Колумб, — конечно, не сидели сложа руки, вероятно, они уже завязали сношения с туземцами и променяли оставленные им безделушки на золото. В этой своеобразной стране должны скрываться и другие ценные произведения, о которых колонисты, конечно, узнали». Всеми этими сокровищами Колумб хотел нагрузить часть своих кораблей и отослать в Испанию королю. Тогда он мог бы рассчитывать на новую помощь, а вместе с тем и на быстрое процветание своего вице-королевства. Но до Навидадской гавани было еще далеко, и потому флотилия стала на якорь в гавани Монте-Кристо. По обыкновению, несколько человек отправились за водой, в числе их был и Яго де Маркена. Все, что он увидел здесь, было для него ново: деревья, цветы, птицы — все резко отличалось от того, что он видел на родине. Он сидел на берегу ручья, который вытекал из небольшого леса и с шумом катился в море. Перед ним расстилался зеленый луг, простиравшийся до самого морского берега. Но это не была обыкновенная трава: она была выше и прямее.

Над ней порхали пестрые бабочки, с жужжанием летали жуки, и все они как будто торопились, потому что солнце касалось уже края горизонта, а на востоке поднималась луна. Приближалась ночь, призывая одни существа к покою, другие — к жизни. Товарищи Яго собирались уже к боту, чтобы вернуться на корабль. В чужой стране не мешало быть осторожнее, так как на других островах были найдены на берегах несомненные следы людоедства. Поднялся со своего места и Яго, чтобы присоединиться к товарищам. Когда они были уже недалеко от бота и солнце уже скрылось, перед Яго пролетел светящийся жук и опустился на высокий стебель травы. Как зеленоватые фонари, на груди его ярко светились два пятна. Свет этот невозможно и сравнивать со светом нашего Иванова червячка: он был во сто раз сильнее и необыкновенно красив. Яго де Маркена захотелось овладеть этим

живым драгоценным светильником, и он осторожно направился к нему. Но жук улетел дальше, и Яго последовал за ним. Вдруг он остановился, пораженный острым трупным запахом, и, пока он старался понять, с какой стороны идет этот запах, слева от него, из высокой травы, поднялась хищная птица. Яго сделал в этом направлении несколько шагов и отпрянул назад: перед ним в траве лежал труп человека. Преодолев страх, он ближе взглянул на него, и крик ужаса вырвался из его груди: ему показалось, что это был труп белого человека. Спутники его, встревоженные его криком, подошли к нему. Но никто из них наверное не мог сказать, был ли то труп белого или индейца — так сильно уже он разложился. Но причина смерти была очевидна: человек был удушен, и веревка обвивала его шею. Все еще стояли в раздумье над загадочным трупом, как вдруг ушедший вперед матрос вскрикнул от изумления: он наткнулся на второй, такой же разложившийся труп человека со связанными ногами.

Между тем темнота усиливалась и оставаться на морском берегу было невозможно. Наши путники поспешили к боту и поплыли к кораблям. Никто не решился высказать своих мыслей, но в глубине души каждый боялся, что то были трупы испанцев и что в Навидаде, находившемся всего в двенадцати милях от гавани Монте-Кристо, случилось несчастье.

Печальная весть быстро разнеслась на адмиральском корабле, вызывая такие же печальные предположения.

— Разве нельзя было узнать — индейцы это или нет? — спрашивали воротившихся.

— Нет! — был короткий ответ.

Сам адмирал был смущен, он отдал приказание, чтобы на следующее утро сильно вооруженный отряд осмотрел берег.

На палубе рядом с Маркеной сидел молодой Алонсо де Хойеда.

— А ведь дело-то неладно, — сказал он.

— Почему? — спросил Маркена.

— Вы видели, что у одного из трупов ноги были связаны; это доказывает, что наших поселенцев победили и взяли в плен.

— Поселенцев? — спросил Маркена. — Но может, то были трупы индейцев?

— Может быть, если бы они находились подальше от Навидада, — возразил Хойеда, — и если бы побережье не было так безлюдно! Отчего

индейцы не показываются? Отчего они, по обыкновению, не выплыли на берег? Они нас, конечно, видели. У них совесть не чиста, они боятся нас и потому скрываются.

— Ты прав, Алонсо, — сказал Маркена.

— В самом деле, почему убийцы избегают нас? Только потому, что боятся нашей мести!

— Вы что тут раскаркались? — раздался вдруг около них резкий голос Маргарита, начальника войска. — Я вам запрещаю вести подобные разговоры и смущать людей. Мужества, а не робости ожидал я от дворян Кастилии.

— Позвольте мне сказать одно слово! — воскликнул Хойеда. — Истинное мужество выказывается не в дружеском разговоре, а на поле битвы. Но, если вы приказываете, я должен, конечно, молчать.

— Тише, ради бога, без ссоры! — вмешался Маркена.

— Как без ссоры! — крикнул Маргарит. — Ты забываешь, что перед тобой начальник. Ты не только трус, ты еще дерзок!.. Ссора... О ней не может быть речи! Кто осмелится мне возражать, тот мятежник!

— Маргарит! — раздался вдруг тихий голос адмирала. — Мне нужно с вами поговорить.

Маргарит должен был повиноваться. Адмирал спокойно стал говорить с ним о предстоящей высадке и о различных планах на будущее. Он услышал спор и поспешил примирить своих подчиненных.

— Напыщенный дурак! — говорил между тем Хойеда.

— Но он наш начальник, — заметил Маркена.

— Черт возьми! — возразил Хойеда. — Я не для его удовольствия приехал на этот остров. Один король мне судья!

— Король далеко от нас, — напомнил Маркена своему другу.

— Ты прав, Маркена! Но все-таки не позволю себя оскорблять!

Он ушел, а Маркена скоро заснул крепким сном. В продолжение долгого путешествия он успел привыкнуть к подобным сценам.

Тем временем к Хойеде подошел другой кастилец, Франциск Ролдан.

— Не доверяй этому молокососу, — сказал он Алонсо, ведь он любимец генуэзца, родственника его друга. Сознайся, не лучше ли было бы, если бы король назначил адмиралом и вице-королем испанца, а Колумб мог бы ехать в качестве штурмана. А теперь он, итальянец, наш повелитель, да еще захватил с собой своего брата Диего, который

охраняет его, как собака.

Хойеда молчал. Ролдан до некоторой степени был прав. Гордость испанцев страдала от того, что им приходилось подчиняться чужестранцу. Но они забывали, что этому гемуэзцу принадлежало открытие стран, в которых теперь они основывали Новую Испанию.

На рассвете следующего дня несколько ботов отчалили от корабля, чтобы осмотреть берег. На одном из них находился сам Колумб в сопровождении Маркены, Хойеды, Маргарита и Ролдана.

Берег был безлюден. Ни один туземец не показывался. Нигде, насколько хватал глаз, не было никаких признаков жилья. Кругом царил зловещая тишина, не нарушаемая даже пением птиц.

Испанцы сошли на берег и направились к найденным накануне трупам, но и теперь, при солнечном свете, узнать их было невозможно. Затем, вытянувшись длинной цепью, отряд начал осмотр берега. Шлемы кастильцев сверкали над травой, и долгое время никто из них не подавал никакого знака.

Адмирал сел под деревом и слушал чарующее пение птички, скрытой от его взоров густой листвой. Еще при первом посещении острова его очаровало пение этой птички, которую он принимал за соловья.

Он так увлекся красотами природы, что на мгновение забыл даже об участии Навидада. Вдруг громкий крик Хойеды: «Сюда, кастильцы!» — прервал его мечтания. Он вскочил и в сопровождении Маркены направился к тому месту, где стоял Хойеда, окруженный остальными испанцами. Когда они подходили к толпе, Маркена услышал, как Хойеда говорил Маргариту:

— Я не каркаю, капитан! Но скажите, пожалуйста, разве у здешних туземцев бывают такие густые бороды? Это, к несчастью, европейская борода: готов держать пари!

— Бывают исключения, — возражал Маргарит.

Колумб и Маркена были уже около трупа, о котором также нельзя было сказать ничего определенного, но Хойеда был прав: у индейцев не бывают густые бороды.

— Но он голый, — заметил один из испанцев.

— Одежда, без сомнения, украшает кого-нибудь из краснокожих! — возразил с иронией Хойеда. — Поверь, мой друг, никого из нас здешние дикари не предадут матери-земле в полном наряде. Нагими, как

являемся мы на свет божий, нас, христиан, всегда здесь бросят после смерти на съедение зверям и птицам.

Среди стоявших вокруг солдат послышался ропот. Казалось, и Колумб разделял мнение Хойеды. Он не стал терять времени на дальнейшие поиски, приказал вернуться к кораблям и, снявшись с якоря, направился к Навидаду.

Уже наступала ночь с 27-го на 28 ноября, когда флот приближался к Навидаду. Адмирал знал, что вход в бухту наполнен подводными камнями, и потому предпочел провести ночь в открытом море, приказав только сделать два пушечных выстрела, с целью известить колонию о своем прибытии. Но на берегу все было тихо. Не видно было и сигнальных огней.

Прошли часы томительных ожиданий. Начальники и солдаты смотрели на море, не покажется ли какое-нибудь судно, но надежды их были напрасны. Немногие в эту ночь могли сомкнуть глаз, все с нетерпением ждали наступления дня.

Около Маркены стояли два индейца, которых Колумб возил с собой в Испанию и которые теперь сопровождали его в качестве переводчиков. Их взоры тоже старались проникнуть в темноту ночи, там, на берегу, находились их хижины, там лежала их деревня, в которой властвовал их повелитель Гвакамари. Скоро они увидятся со своими друзьями и родственниками, и сколько новостей, чудес и диковин им порасскажут! Чудеса Старого Света несравненно более поражали детей Нового Света, чем испанцев величавая красота американской природы, города с каменными зданиями, великолепными церквями и высокими башнями, странные животные, лошади, ослы, быки, козы — ничего этого не было на Антильских островах. А люди!.. Всадники, закованные в блестящие латы, производящие гром и молнию!.. Да, этим детям природы было что порассказать своим соплеменникам.

Было еще совсем темно, когда один из индейцев вдруг радостно вскрикнул и указал рукой на море. Маркена невольно взглянул в ту сторону и увидел на зеркальной поверхности океана, отражавшего в себе слабое сияние звезд, быстро приближавшуюся к адмиральскому кораблю индейскую пирогу, в ней ясно можно было различить трех голых людей с пучками перьев на головах.

Все столпились около прибывшей лодки, и матросы бросились

помогать индейцам взойти на палубу. Колумб стоял около мачты, совершенно спокойный на вид, хотя сердце его предчувствовало беду. Через несколько минут он узнает об участии колонии! Но почему же только три индейца приехали приветствовать его? Отчего испанцы не поспешили на своих лодках на корабль, чтобы скорее обнять своих братьев и получить известия о далекой дорогой родине? Мысли эти тревожили адмирала, но он старался успокоить себя надеждой, что все обстоит благополучно.

Индейцы поднялись на палубу. Они боязливо взглянули на незнакомых испанцев и обменялись с краснокожими толмачами несколькими словами.

— Что они говорят? Что им нужно? — раздалось из толпы.

— Они желают видеть адмирала! — ответили толмачи.

— Хорошо, поведем их к нему!

И вот три дикаря очутились перед великим мореплавателем. Глаза их пристально смотрели на него, но тщетно — в темноте они не могли разглядеть его лица и потому снова обратились к переводчикам.

— Они просят огня, чтобы видеть, действительно ли это адмирал.

Принесли восковую свечу, и при свете ее индейцы узнали необыкновенного белого со светло-голубыми глазами. Да, это был он, и они приветствовали его. Один из них представился ему, назвавшись двоюродным братом Гвакамари.

— Что белые? — спросили их.

— Им хорошо, — перевел переводчик, — но не всем: одних сразили болезни, другие убиты своими братьями в ссоре или пали в битве против наших врагов. Знаешь, мы очень рады твоему приезду, потому что нам пришлось пережить тяжелые времена. Наши враги, Каонабо и Майрени, вторглись в нашу страну со своими войсками: наша деревня разрушена, наш повелитель Гвакамари ранен. Он желал лично приветствовать тебя, но не мог идти и должен был остаться дома.

Нерадостны были эти вести, не таких ожидали испанцы, но все-таки не все было потеряно. Навидад еще существует, и колонисты, конечно, познакомились со страной. Теперь колония быстро заселится, имея в своем распоряжении лошадей и рогатый скот, хлеб и овощи всякого рода.

Между тем наступило утро. Из морских волн поднялось солнце. Лучи его разлились по берегу, но он был по-прежнему безлюден.

Военный отряд испанцев высадился на берег, предводимый Маргаритой; в нем находились и наши знакомцы, Маркена и Хойеда. Испанцы направились к деревне Гвакамари, близ которой лежала колония.

Но какое мрачное зрелище представилось их глазам! Одни только кучи пепла указывали место, где стояли жалкие хижины туземцев. А Навидад? На его месте виднелись одни голые развалины, пустынное, черное пожарище. Укрепление испанцев было частью разрушено, частью сожжено. Но где же оставшиеся в живых? Индейцы одни могли бы поведать эту тайну, но они держались вдали, сторонились испанцев и, казалось, скрывали злое дело, лежавшее у них на совести.

Маргариту разными безделушками, колокольчиками и стеклянными бусами удалось привлечь к себе детей природы. Они подошли к нему и согласились даже отправиться на корабль к адмиралу.

Хорошее обращение с ними развязало им язык.

— Испанцы все умерли! — гласил их ответ. — Каонабо и Майрени всех уничтожили. Гвакамари лежит дома, раненный копьем в ногу.

— Где живет этот Каонабо? — вскричал Хойеда, топнув ногой и хватаясь за рукоятку меча. — Мы отомстим за кровь испанцев!

Колумб спокойно взглянул на пылкого юношу.

— Не судите так скоро, — заметил он, обращаясь ко всем. — Разве вы убеждены в вине тех кациков? Дайте нам предварительно расспросить и расследовать дело и не пугайте нагих детей этой великолепной страны воинственными выходками. Попытаемся расположить их к себе. Не правда ли, Ролдан, — продолжал он, — ты назначен судьей новой колонии, ты умеешь судить спокойно и беспристрастно. Скажи же, не лучше ли побеждать мирным путем, чем шагать через трупы?

— Слушайтесь адмирала, — сказал Ролдан, низко кланяясь Колумбу. — Он перевез нас невредимыми через бесконечный океан, — мы должны верить его мудрости.

Но, отойдя, он стал позади Хойеды и шепнул тому на ухо:

— Он лигуриец! Что значит для него пролитая кровь испанцев!

Колумб сам вышел на берег, чтобы посетить кацика Гвакамари. Его сопровождал врач Канса, а в отряде находился и Маркена.

— Каонабо, Майрени, — бормотал Хойеда, ступая по высокой траве, — все равно, как бы ни назывались все эти негодяи-кацики, все они

хищные собаки, шайки убийц, не лучше нечестивых людоедов-караибов на других островах!

— Ты прав, Хойеда, — заметил маленький коренастый испанец по имени Кастанеда, покинувший Испанию вследствие частых столкновений с испанскими законами. — Все они заслуживают смерти. Золотые пластинки слишком драгоценны, чтобы висеть в носах и ушах этих дьяволов. Им место в наших мешках! Следует рвать им уши и отрезать носы!

— Стыдись, Кастанеда, — заметил Маркена, — они такие же люди, как мы.

— Ха, ха, ха! — смеялся Кастанеда. — Какая нежная девица! Стоит ли церемониться с этими дикарями!

Маркена покраснел. «Девица!» Как он осмелился позорить его? Он хотел было ответить, но в это время в передних рядах послышались тревожные крики.

Испанцы очутились перед индейской деревней. Шесть-семь жалких лачуг, построенных из жердей, составляли все поселение. Кругом царила тишина, не видно было ни одного индейца, они убежали при приближении испанцев.

— Обищем-ка эти свиные хлевы! — сказал Кастанеда. — Они такие же люди, как мы, а не смыслят даже выстроить себе порядочного дома.

Испанцы разбрелись по темным хижинам.

— Негодяи! — раздался внезапно голос Кастанеды. — Вот и улики! Разве это не настоящий мавританский плащ? Смотрите, он даже свернут так, как будто он только что привезен из Кастилии. Украсть-то его они украли, а воспользоваться им не сумели! А вот и чулки! Но они предпочитают бегать босиком... Но что значит этот корабельный якорь? Уж не хотели ли они ставить на нем свои узкие неповоротливые лодки!

— Это береговая находка, — заметил Хойеда, — якорь с первого адмиральского судна «Санта-Мария», погибшего близ этих берегов.

— Стойте! — воскликнул Маркена. — Здесь что-то висит в циновке. Товарищи, это никак окорок!

Он вынул нож и распорол циновку, но тотчас с ужасом отшатнулся назад.

— Что, малютка, испугался! — насмешливо произнес Кастанеда, быстро подходя к нему. — Дайте-ка нам взглянуть, что тут такое. Э!.. Человеческая голова!.. Но она снята не с испанских плеч — это

безбородая голова индейца. Должно быть, в этой чудесной лачужке, в этом грандиозном храме был повешен кацик, король этой деревни. Ну, пусть его висит! Ну что, Маркена, нравятся тебе такие похороны?

Захватив с собой найденные вещи убитых в Навидаде колонистов, испанцы вышли. В других хижинах были сделаны такие же находки, а затем отряд двинулся к резиденции Гвакамари.

Такие же бедные лачужки представились и здесь глазам испанцев.

— Нечего сказать, в чудесную страну привел адмирал дворян Кастилии! — сказал Кастанеда, подходя к Хойеде.

— Тише, он ведь вице-король, — иронически заметил Ролдан. — Впрочем, не следует судить раньше времени!.. Может быть, этот король Гвакамари восседает на золотом троне или лежит на кровати из чистого золота.

Колумб вошел в хижину, где находился больной, за ним последовали Ролдан, Хойеда, Маркена и врач Канса.

Хотя кровать индейца и не была из чистого золота, тем не менее она изумила испанцев. Такой висячей кровати они еще не видели. Это была большая сетка из крепко скрученных бумажных веревок, прикрепленная концами к косякам хижины.

— Это любопытно, — заметил Кастанеда, — я с удовольствием сбросил бы оттуда этого молодца, чтобы попробовать, как там спится.

Изумление испанцев было весьма понятно: они здесь впервые видели гамак.

С помощью толмачей адмирал стал расспрашивать Гвакамари об участии переселенцев. Тот сваливал всю вину на Каонабо и Майрени; он сам при этом был ранен камнем в ногу.

— Он обманывает нас, — заметил Хойеда. — Двоюродный брат его рассказывал, что его ранили копьем, а он говорит, что камнем.

— Доктор, — сказал Кастанеда, — вы бы осмотрели рану.

Канса предложил вылечить индейского вождя. В хижине было, однако, слишком темно, чтобы осмотреть поврежденную ногу, и Гвакамари вышел из хижины, опираясь на Колумба.

Нога была перевязана. Канса снял повязку, но тщетно искал он следов какой-нибудь раны, между тем как Гвакамари продолжал жаловаться на нестерпимую боль.

— Он лжет! — вскричал Кастанеда.

— Он виновник гибели Навидада! — воскликнул Хойеда.

— Да что, друзья, — заметил шепотом Ролдан, — ведь то были испанцы, а не лигурийцы.

— Адмирал, — сказал Хойеда, выступая вперед, — доказательство виновности кацика налицо. Его нужно задержать. Кровь наших братьев вызывает о мести! Нужно проучить их. Эти дикари должны узнать, что нельзя безнаказанно убивать испанца.

Колумб отрицательно покачал головой.

— Разве деревня его не сожжена и сам он не вынужден скрываться в этой пустыне? Многое говорит против него, но многое и за него. Надо быть справедливым. Когда я в первый раз посетил эту страну и Господь ниспослал мне тяжелые испытания, Гвакамари был мне другом; этого я никогда не забуду. К тому же вы не поняли, о чем я с ним говорил: он жаловался на обиды, причиненные его людям испанцами.

Адмирал замолчал и задумался. Перед его умственным взором развертывалась ясная картина гибели Навидада, его первой колонии. Вместо того чтобы завести с туземцами дружелюбные сношения, испанцы стали обходиться с ними жестоко. Первой жертвой был, несомненно, Гвакамари, которого они вместе с его подданными покорили себе, отняли у них все золото и сделали своими рабами. Он, Гвакамари, вынужден был терпеливо переносить обиды и жестокости испанцев. Они же, ограбив владения его, распространили дальше свои хищнические набеги и напали на владения соседних сильных кациков, но при этом плохо рассчитали свои силы. В Навидаде осталось всего тридцать девять человек испанцев, тогда как отдельные племена кациков могли выставить против них сотни воинов. Понятно, что испанцы в столкновениях с туземцами понесли потери: трупы на берегах Монте-Карло доказывают это. Ободренные успехами, индейцы задумали наконец совершенно освободиться от притеснителей, заключили между собой союз и ночью напали на Навидад. Во время битвы погибло и селение Гвакамари вместе с поселением испанцев. Истребив неприятелей, притесненные вздохнули свободно. Гвакамари, вероятно, благоразумно оставался лишь безучастным свидетелем этой борьбы. Так думал Колумб и в душе оправдывал поведение Гвакамари.

В то время как сердце Колумба обливало кровью и он восстанавливал в своем уме короткую, но богатую событиями историю своей первой колонии, Ролдан зло нашептывал своим товарищам:

— Заметьте, друзья: испанцы первые начали раздоры, испанцы

виноваты в том, что их убили...

— Подожди, Ролдан, — тихо возразил Кастанеда, — нас скоро командируют в лакеи к господину Гвакамари. Однако он, кажется, не очень-то богат; перья на его голове едва ли что-либо стоят, а за золотые пластинки в ушах не дадут и больше дуката. Да, нечего сказать, хороша страна, куда привел нас генуэзец!

Гвакамари последовал за Колумбом на корабль. Там находилось несколько индейцев, захваченных на Караибских островах. Кацик поговорил с ними на непонятном для испанцев языке, а затем осмотрел лошадей и рогатый скот, привезенный Колумбом из Испании. Эти животные были для него новостью, так как на Антильских островах, кроме собак, крыс и тому подобных, не водилось никаких млекопитающих. Сто лет спустя Эспаньола сделалась настоящим эльдорадо для охотников на буйволов, и эти стада рогатого скота происходили от животных, убежавших от испанских поселенцев и одичавших в саваннах Эспаньолы. Сто лет спустя на том же острове ходили табуны одичавших лошадей и стада вепрей. Это были, так сказать, подарки Старого Света Антильским островам.

Вечером того же дня Гвакамари возвратился в свою деревню, а ночью бежали с корабля индейки, с которыми он говорил. Когда на другой день испанцы высадились на берег, чтобы вытребовать своих пленниц, то не нашли уже никаких следов ни Гвакамари, ни его подданных.

После тщетных поисков усталые испанцы вернулись на свои корабли.

— Как хорошо знает наш адмирал этих дикарей! — говорил язвительно Ролдан. — Еще вчера он намеревался на месте разрушенного Навидада основать город. Я боюсь, как бы нам не умереть здесь с голоду. Запасы наши приходят к концу, а здесь я что-то не видел ни ржи, ни пшеницы. Индейцы готовят себе муку из каких-то корней, едят крыс и рыбу, но ведь такой пищи не переварит кастильский желудок.

Так росло недовольство испанцев уже с первого вступления на благодатный остров Эспаньолу. Большинство их оставило Испанию в полной уверенности набрать здесь без всякого труда побольше золота, с тем чтобы с первым же идущим в Старый Свет кораблем вернуться восвояси. А теперь эта страна, несмотря на всю красоту природы,

казалась им бедной с ее пустынными полями и безлюдными, жалкими деревнями.

— Он немножко приврал, — язвил Кастанеда, — нам следовало раньше вспомнить, что хвастовство — ремесло в Генуе.

— И ни разу-то не дошло дело до честной битвы, — жаловался Хойеда. — Эти разбойники, кажется, только и умеют делать ночные набеги.

Все эти речи поражали Маркену в самое сердце. Он знал от Гарции Гернандеса, что далекие путешествия приносят другую пользу, кроме обманчивого золота, — ими обогащается сокровищница нашего знания. Другие люди, новые виды птиц, неизвестные цветы и деревья разных видов, совершенно отличные от тех, которые растут в Испании! На каждом шагу новые зрелища приковывали взор, везде уму представлялся неиссякаемый источник для размышления. В сердце Маркены звучали слова Эратосфена, переданные ему Гарцией, что под этими широтами земли должна находиться новая часть света и что на ней, как утверждал еще Страбон, должны быть другие животные и растения.

Как часто во время этого путешествия видел он Колумба стоящим в размышлении перед каким-нибудь деревом или кустом: он срывал различные корни и пробовал их на вкус. Колумб искал не одно золото, он старался открыть и другие сокровища природы. Для этого, конечно, нужно было трудиться в поте лица, а в толпе сопровождавших его кастильских искателей приключений было мало людей, желавших работать.

Отряд, посланный искать Гвакамари, возвратился на корабль. Колумб и сам должен был теперь отказаться от своего плана восстановить Навидад. Местность здесь была сырая и болотистая и потому нездоровая. Не теряя времени, он приказал сняться с якорей и направился дальше вдоль берегов искать более удобного места для новой колонии.

Это короткое плавание было гораздо труднее, чем длинный переезд через океан. Почти каждый день поднимались бури или противные ветры, не позволявшие кораблям идти вперед или пристать к берегу. Три долгих месяца пришлось флоту бороться со стихиями, прежде чем найдено было удобное место для новой колонии, в десяти милях от гавани Монте-Карло.